

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.521 DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.191-202
**ПРОБЛЕМЫ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБРАЗАХ МУЖЧИНЫ
И ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ»
КОБО АБЭ**

Д.М. Ан, Е.А. Колотова
an.darya2015@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Японская литература – это довольно загадочный блок мировой литературы для людей, не имеющих ничего общего с этой страной. Однако невероятная аллегоричность японских произведений представляет исключительный интерес для интерпретации и тщательного анализа: сколько читателей у произведения, столько и мнений. И невозможно сказать, что какое-то будет наиболее правильным, поскольку искусство в любом его проявлении – вещь эфемерная. Именно поэтому обращение к столь фундаментальному тексту современной японской литературы важно как для понимания литературного процесса в Стране восходящего Солнца, так и осмысления произошедших изменений в японском обществе за столь долгое время. Так, в статье рассмотрены ключевые проблемы, поднимаемые в романе Кобо Абэ «Женщина в песках». Проанализированы образы мужчины и женщины, являющиеся центральными в книге, и их авторское видение, оставляющее огромное поле для исследования. В ходе работы были обнаружены аллюзии на глубинные проблемы японского общества в целом, заключенные в образах, заявленных ранее. Описываются также связи культур и различных династических эпох, отраженные в мыслях, диалогах и действиях героев. Немаловажным является и акцент на интерпретации положения женщины в романе, поскольку этот образ является «точкой противоречий» в контексте дихотомии Восток – Запад, которую описывали ученые из совершенно разных областей, начиная с культурологов, заканчивая экономистами. Все в совокупности представляется небольшим, но очень важным кусочком пазла под названием «японское послевоенное искусство», которое является зеркалом, отражающим действительность эпохи разгрома милитаристской Японии и становления идеальной страны, в которой человек занимает уже совершенно другое место.

Ключевые слова: японская литература, мужчина, женщина, послевоенное искусство, японское общество.

Для цитирования: Ан Д.М., Колотова Е.А. Проблемы японского общества в образах мужчины и женщины в произведении «Женщина в песках» Кобо Абэ. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(2): 191–202.

**THE JAPANESE SOCIETY'S PROBLEMS IN THE IMAGES OF THE
MAN AND THE WOMAN IN THE WORK "THE WOMAN IN THE DUNES"
BY KOBO ABE**

D.M. An, E.A. Kolotova

an.darya2015@yandex.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Japanese literature is a rather mysterious block of world literature as well for people who have nothing to do with this country. However, the incredible allegorical nature of Japanese works is of exceptional interest for interpretation and careful analysis because so many men, so many minds. Also, it is impossible to say that any one will be the most correct, since art in any of its manifestations is an ephemeral thing. That is why the appeal to such a fundamental text of modern Japanese literature is significant both for understanding the literary process in the Land of the Rising Sun, and for comprehension the changes that have occurred in Japanese society over such a long time. Thus, the article considers the key issues raised in the novel "The Woman in the Dunes" by Kobo Abe. The images of men and women who are central in the book are analyzed, and their author's vision, which leaves a huge field for research. In the course of the work, allusions were found to the deep problems of Japanese society as a whole, contained in the images stated earlier. It also describes the connections between cultures and Japanese eras, reflected in the thoughts, dialogues and actions of the characters. The emphasis on the interpretation of the position of women in the novel is also important, since this image is a "point of contradiction" in the context of the East-West dichotomy, which has been described by scientists from completely different fields, from cultural scientists to economists. All in all, it seems to be a small but very important piece of the big puzzle called Japanese post-war art which is a mirror reflecting the reality of the era of the defeat of militaristic Japan and the formation of a perfect country in which a person occupies a completely different place.

Keywords: Japanese literature, man, woman, post-war art, Japanese society.

For citation: An D.M., Kolotova E.A. The Japanese society's problems in the images of the man and the woman in the work "The woman in the dunes" by Kobo Abe. *Kazan linguistic journal*. 2021; 4 (2): 191–202. (In Russ.)

Вторая мировая война – это событие, которое изменило весь мир в XX веке. Некоторые страны кардинально сменили курс своего развития в экономике, в политике, в быту обычных граждан и в искусстве. Одним из таких государств стала Япония: этой стране, входившей в ось: Берлин – Рим – Токио и выступавшей в качестве агрессора, пришлось пересмотреть все свои идеалы и стремления, уходившие корнями глубоко в прошлое.

Послевоенное искусство – это очень чуткий «организм», который подмечал волнения и изменения, происходившие во всех сферах жизни японского общества, ведь для разгромленной Японии необходимо было

отстроить все заново и стать одним из мировых экономических лидеров (к этому существовали предпосылки с реставрации Мэйдзи).

Стоит уточнить, что культурная обстановка в Японии соответствовала духу искусства во всем мире – господство авангарда и всех его направлений, существовавших на тот момент. Через призму авангарда многие знакомые понятия для каждого народа – культурные универсалии, к которым относят, в первую очередь язык, народ, образы мужчины и женщины, – проходят некоторую трансформацию в восприятии как деятелями искусства и политики, так и всем обществом в целом, поэтому рассмотрение заявленных образов можно считать актуальным в контексте постоянной динамики в развитии общества и последующей рефлексии со стороны деятелей искусства.

Выбор произведения был сделан не случайно, поскольку Кобо Абэ – один из японских писателей, чьи юные годы пришлись на период Второй мировой войны и особо активных милитаристских и националистских движений в Японии, что не могло не оставить своих отпечатков на мировоззрении автора. Так, книга «Женщина в песках», написанная в 1962 году, – это уже своего рода рефлексия о насущных проблемах японского общества, выраженных в образах мужчины и женщины (хотя, конечно, главный герой – песок – в книге не имеет ничего общего ни с одним представителем человеческого рода), а никак не о былом патриотизме, проблемах военного времени и других темах, характерных для послевоенной литературы. В связи с этим для рассмотрения заявленных образов использованы не только методы литературоведческого анализа, но и изучена социально-политическая составляющая эпохи, когда было создано произведение.

Идеи, заключенные в этих образах, являются глобальными по своей сути и актуальными не только для второй половины XX века, но и для настоящего времени: вечное «противостояние» Запада и Востока, положение женщины в истории Японии и постоянная смена ценностей в зависимости от курса развития общества. Все это делает анализ данного произведения существенным и необходимым для понимания важнейшего периода в истории японской

литературы и социума в целом и их дальнейшего влияния на современность. Важно отметить и то, что рассмотрение образа женщины в восточном обществе является актуальным и сейчас, поскольку несмотря на огромную роль феминизма во всем мире в настоящее время, на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии женщины все еще подвергаются стигматизации относительно любых действий, будь то карьера, личная жизнь или хобби, потому что положение женщины в данных регионах, в частности, в Японии, почти не поменялось с середины XX века.

Более того, исследователи неоднократно стремились интерпретировать данное произведение искусства. Однако невозможно дать объективную оценку результатам подобной работы, ведь точный ответ в искусстве дает не холодный разум, а горячее сердце. Например, Гуревич Т. М. и Изотова Н.Н. в статье «Энтомологический код японской культуры» делают интересные выводы на основе языковых особенностей японского языка, используя для этого и текст рассматриваемого нами романа, поскольку песок и насекомые занимают одни их ключевых позиций в философии произведения [2]. Мустояпова А.Т. в работе «Женщина в песках» Кобо Абэ: традиционные черты и модернистские течения» [4] рассматривает социальный аспект литературного текста, выводы относительно места человека в обществе поражают схожестью с теорией «лишнего человека», характерной для русской литературы XIX век (Александр Чацкий, Григорий Печорин и Евгений Онегин). Напрямую о связи с этой теорией не говорится, но при этом, исходя из авторской интерпретации, это довольно легко читается. Кроме того, Мустояпова А.Т. делает акцент на связи писателя с идеями американской модернистской литературы, что важно для понимания взаимосвязи развития литературы в XX веке даже в разных частях света [4]. В свою очередь, Селиверстова А.С. в работе «Символизм романа Кобо Абэ «Женщина в песках» подробно анализирует каждый символ, присутствующий в этом тексте (акценты сделаны на песке, чье значение описано в нескольких уровнях понимания; на воде как определенном ключе в романе [5]; описываются также и другие предметы символики произведения),

что позволило последней сделать выводы относительно глубины и чувственности романа, поскольку понимание символики есть осознание сути бытия в целом. Опираясь на уже имеющиеся работы, мы предлагаем рассматривать данный роман в нескольких плоскостях, чтобы получить практически идеальный многогранник философии японского писателя в контексте идей, заложенных в образы мужчины и женщины еще после Второй мировой войны, но остающихся актуальными сейчас.

Так, при рассмотрении произведения было замечено, что в образах главных героев довольно четко угадываются черты, присущие канонам восточного и западного обществ. По этой же категории выявился некий феномен «зацикленности», который определяется следующими критериями: наличие «критического мышления» и отношение к жизни в плену у песка; немаловажными базисами являются и описательные характеристики внешности героев, поскольку именно с их помощью писатель создал полноценных персонажей.

Остановимся на параллели «Восток – Запад» подробнее, поскольку данная идея скорее считывается между строк. Так, Ники Дзюмпэй – служащий средних лет, увлеченный энтомолог, в свободное от работы время его интересуют «только дюны и насекомые» [1, с. 10]. Он готов посвящать всего себя этому занятию, ведь «у энтомолога есть свои бесхитростные и непосредственные радости – обнаружение нового вида» [1, с. 11]. Для героя таковыми являются мухи, живущие в песках: «жизнь людей тесно переплетена с жизнью мух» [1, с. 12], что свидетельствует об однообразности увлечений и жизни в принципе, а также цикличности жизни, что придает еще большее сходство с мухой.

Интересным представляется попадание Дзюмпэя в «плен» как ментальный, так и физический:

1. «Он стал пленником этой шпанской мушки с желтыми передними лапками» [1, с. 13]. «Он рисовал в своем воображении движение песка, и у него уже начались галлюцинации – он видел и себя в этом нескончаемом потоке» –

как уже говорилось ранее, служащий полностью «порабощен» своим увлечением, скорее даже «растворен» в нем, для него нет жизни без этого.

2. Физическое пленение в деревушке, где все вокруг было в песке, как будто кроме женщины, он был главным жильцом там: «была комната, но вместо постели возвышалась горка песка» [1, с. 25]. Однако такой «плен» энтомолог изначально расценивает как отличную возможность встретить «какое-нибудь интересное насекомое» [1, с. 21], ведь «в такой среде насекомые живут и радуются» [1, с. 21].

Таким образом, оказываясь в плену обстоятельств, Дзюмпэй получил для себя благодатное поле для любимой деятельности, но при этом не достиг желаемого, поскольку нравы в «песочном обществе» совсем другие: его просто не понимают с его разговорами об увлечении работой и хобби, ведь здесь скорее говорят о ручном труде, песке и заповеди: «Будь верен духу любви к родине».

Уделим чуть больше внимания последнему, поскольку это тот самый отголосок милитаристской Японии, чье существование по хронологии произведения прекратилось совсем недавно, но при этом сложившийся ранее устой по-прежнему не теряет своей актуальности. Здесь уже можно говорить о вечном противопоставлении Запада и Востока, где, как ни странно, жизнь Дзюмпэя напоминает западный идеал: взгляды героя обращены на внутреннее начало – собственные мысли и увлечения, а общество в песках – восточный тип, где на передний план выступают иные ценности. Мы наблюдаем принцип пирамиды Маслоу в действии: если у человека не удовлетворены базовые потребности, то о высших не может быть и речи.

3. «Ники Дзюмпэй – пленник своего ограниченного сознания», в некотором смысле спорное утверждение, однако имеющее право на существование.

На подобную мысль наталкивает наблюдение за ходом рассуждений героя об общественных ценностях глазами женщины – героини произведения: он не понимает и в какой-то степени осуждает ее чувство любви к родине,

неутомимую борьбу с песком, называет круг интересов женщины крайне ограниченным. И в этом есть парадокс: называя недалекими других, он не видит того, что его собственная жизнь есть непрерывный цикл с фанатичным увлечением мухами: за разрывом цикла не последует никаких изменений, поскольку ничего из жизни героя не базируется на «истинных» человеческих (в данном случае восточных) ценностях. Безусловно, в контексте произведения оба общества являются кольцевыми по своей структуре, и утверждение о том, что какое-то из них может подвергнуться кардинальным изменениям, является слишком спорным. Поэтому и для «песочного общества», и для Ники Дзюмпэя единственно возможный путь существования в этом бренном мире (вряд ли это можно назвать полноценной жизнью) – цикл, разорвать который нельзя (возможно, это скрытая аллюзия к колесу Сансары как круговороту всего живого).

Что касается образа женщины, то она является антиподом Дзюмпэя, пожалуй, почти во всем: в одежде, в занятиях, в интересах и жизненных приоритетах. Так, для героини, которую иногда называют «бабкой» в ходе повествования, что в каком-то смысле неслучайно, ведь по складу ума и действиям эта еще молодая женщина действительно похожа на повидавшую жизнь «бабку», которая живет лишь воспоминаниями о прошлом и погрязла в рутине в настоящем, пленом стала сама деревня. «Деревня еще как-то может существовать только потому, что мы без устали отгребаем песок и тем сохраняем ей жизнь...» [1, с. 31], то есть смысл своей жизни женщина видит в сохранении места, где живет. Более того, даже учитывая тот факт, что живет она, «чтобы отгрести песок» [1, с. 30], для нее просто невыносимо покинуть это место: «нельзя же взять и сбежать ночью» [1, с. 31]. Немаловажно, что здесь же погибла ее семья – это «приковывает» к деревушке уже намертво, ведь ее истинный «восточный» путь женщины для нее уже потерян, и она, не осознавая этого, продолжает создавать иллюзию сохранения очага, который рассыпался окончательно, и продолжать сохранять его такой же сизифов труд, как бороться с песком в песчаной яме.

Можно предположить, что в образе женщины заключены качества, почитаемые японцами еще со средних веков: покорность и верность традициям и семье. Данный образ женщины в японской литературе берет свое начало с дневникового жанра, родоначальницей которого была писательница Митицуна-но хаха. Ее «Дневник эфемерной жизни» является олицетворением Японии X века глазами женщины, где героиня отрезана от ярких общественных действий, она не является единственной женой своего мужа – в Японии абсолютно спокойно воспринимались полигамные отношения – они лишь изредка обмениваются любовными поэтическими посланиями – танку. Но танку о счастливой любви в дневнике очень мало, большая часть произведения состоит из взаимных укоров Митицуна-но хаха и ее мужа:

«...Ты заменил короткой встречей

Множество ночей...» [3].

Для героини в этом произведении ее муж, даже при всех недостатках, – полноценное общество, поскольку уже на тот момент женщина является социальной невидимкой в глобальном смысле. Проведя параллель с анализируемым романом, можно заметить, что за десять веков развития человечества ничего не изменилось кардинальным образом, а это, в свою очередь, доказывает не только важность традиции в восточном типе общества, но и устарелость взглядов на роль женщины в социуме на Востоке в целом.

Однако именно покорность и не враждебность женщины («она и тени сопротивления не оказывала») позволили мужчине «присвоить» ее волю себе в пользу: «Женщина, совершенно оцепеневшая, покорно подчинялась не только действиям, но и словам. Видимо, впала в состояние, подобное гипнозу» [1], что свидетельствует о сохранившемся не самом высоком социальном положении женщины в японском обществе второй половины XX века, что коррелируется и с тем, что для одинокой женщины мужчина, в любом случае, занимает большую часть «видимого общества», так же, как и для женщин в средневековой Японии.

Следовательно, для женщины в песках разрыв цикличности бытия, в основу которой в определенной степени заложены базовые ценности, в частности, для обществ Востока, априори невозможен, ведь этот цикл для нее равноценен фундаменту дома (и в бытовом, и в человеческом духовном смыслах), где ей предстоит прожить всю свою жизнь, вне зависимости от того какие форму, вид или наполнение принимает это место, ведь для нее – это олицетворение былого и «могила прошлого» для близких ей людей.

Интересной деталью повествования является также «возвращение в восточное общество» Дзюмпэя, поскольку именно этот лейтмотив сопровождает героя на протяжении всего произведения: мужчина как бы вспоминает и пытается вновь осознать, что есть жизнь вне города («западного общества»). Ему это дается с большим трудом (мысли о том, что жизнь в пустыне невозможна, преследуют героя постоянно), однако Восток все же берет верх (есть сообщения, что он не вернулся в город, да и попытка побега до этого была крайне неудачной), что, возможно, является одним из ключевых элементов в романе, проходящем красной нитью сквозь строки авторского текста.

Причинами того, почему мужчина так и не вернулся в город (хотя в конце романа четко было указано, что такая возможность была: «Теперь в его руках билет в оба конца – чистый бланк, и он может сам, по своему усмотрению, заполнить в нем и время отправления, и место назначения» [1, с. 159], могут служить следующие суждения, считающиеся между строк романа:

1. В течение длительного времени пребывания в «песочном обществе» для Дзюмпэя произошло своеобразное сращение циклов жизни, а значит, ни один из них не сможет существовать отдельно – идеальный баланс «Запада и Востока», к которому герой, вероятно бессознательно стремился всю жизнь, но при этом уже сознательно достиг этого.

2. Ники Дзюмпэй – человек, который больше ориентирован на внутреннее, нежели на внешнее. Попав в такое же по структуре общество, он просто оказался в своей зоне комфорта, где может абсолютно спокойно, без

осуждения со стороны окружающих, искать жуков, мух и других представителей фауны или же изобретать новые приспособления. И несмотря на то, что он проговаривает неоднократно, хоть и не напрямую необходимость попасть в энтомологический атлас или просто рассказать кому-то о том, что он нашел, делает ли он это? Нет, поскольку в душе признание большого «западного общества» не нужно, поэтому он и остается там, откуда так пытался сначала сбежать.

3. Для Ники Дзюмпэя изначально, как и в принципе для многих представителей традиционного японского общества западное влияние – это вред, а не благо, каким его часто представляют политики, экономисты и другие видные исторические деятели, поскольку «западное общество» априори меняет «восточный каркас», сконструированный предками еще в давние времена. Зачем менять и предавать свои же традиции в угоду прогрессу? Это далеко не для всех в послевоенной Японии, и герой произведения этому прекрасное подтверждение.

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря приему антитезы автор выстраивает как композицию романа, так и систему персонажей и их убеждений: женщина – Восток, мужчина – Запад (но это лишь оболочка, внутри он истинный представитель мира Востока), цикличность жизни первой остановить невозможно – дань традициям и обычаям, верность духу родины; второй же цикл можно разрушить, но лишь отчасти: псевдо-ценности западного капитализма в виде работы в офисе легко откладываются, но замутненность сознания чем-то, что помогает выживать и отвлекаться от работы – нет.

Нарочитость противопоставления помогает расставить важные акценты для понимания глубинного смысла произведения, которое содержит в себе философские подтексты в том числе. Рефрен возвращения к своим корням – Востоку (в данном контексте – положению мужчины и женщины в социуме) является ключевым к пониманию аллегоричности произведения. Более того, проблематика романа остается актуальной не только для послевоенного общества Японии, под четким контролем американской оккупации, но и для

современности, ведь все чаще люди задаются вопросом: синкретизм культур, мировоззрений и социальных конструктов – это благо для прогресса или горечь для утраченных традиций и культурного кода нации, – этот вопрос пока остается открытым.

Список литературы

1. Абэ К. Совсем как человек: романы / пер. с яп. В. Гривнина, А. Стругацкого. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. С. 5–161.
2. Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Энтомологический код японской культуры. *Японские исследования*. 2019. №1. С. 73–93.
3. Митицуна-но хахха. «Дневник эфемерной жизни» // URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=134708> (дата обращения: 15.04.2021)
4. Мустоянова А.Т. «Женщина в песках» Кобо Абэ: традиционные черты и модернистские течения. *Вестник КРСУ*. 2010. Том 10. № 3. С. 55–58.
5. Селиверстова А.С. Символизма романа Кобо Абэ «Женщина в песках». *Сборник докладов 59-й международной молодежной научно-технической конференции «МОЛОДЕЖЬ-НАУКА-ИННОВАЦИИ»*. 2012. Том 2. №2. С. 20–23.

References

1. Abe K. (2018). Just like a man: novels / translated from Japanese by V. Grivnin, A. Strugatsky. M.: Inostranka, Azbuka-Atticus. pp. 5–161. (In Russian)
2. Gurevich T. M., Izotova N.N. (2019). Entomological code of Japanese culture. *Japanese Studies in Russia*. No. 1. Pp. 73–93. (In Russian)
3. Mititsuna-no khakhkha. “Dnevnik efemernoï zhizni” // URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=134708> (accessed:15.04.2021). (In Russian)
4. Moustopova A.T. (2010). “The Woman in the Dunes” Kobo Abe: traditional features and modernist trends. *Herald of KRSU*. Volume 10. No. 3. Pp. 54–58. (In Russian)
5. Seliverstov A.S. (2012). Symbolism of the novel Kobo Abe’s “The Woman in the Dunes”. *Collection of reports of the 59th international youth*

scientific and technical conference “YOUTH-SCIENCE-INNOVATION”.

Volume 2. No. 2. Pp. 20–23. (In Russian)

Авторы публикации

Ан Дарья Марсовна –
преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Россия
E-mail: an.darya2015@yandex.ru

Колотова Евгения Алексеевна –
студентка
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Россия
E-mail: jane.k_02@mail.ru

Authors of the publication

An Darya Marsovna –
teacher
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: an.darya2015@yandex.ru

Kolotova Evgenia Alekseevna –
student
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: lilijakhafizva@yandex.ru

Поступила в редакцию: 16.04.2021

Принята к публикации: 1.06.2021